

Наталья Мицкевич

ДОЛГАЯ ДОРОГА

ОТ ДОМА ЯНКИ МАВРА К ДОМУ ЯКУБА КОЛАСА

Главы из книги воспоминаний

Есть книги, которые, взяв перо в руку, написала сама человеческая судьба. На их страницах достоверно и отчётливо, с фотографической памятью воссозданы все нелёгкие перипетии, все тяготы – и физические, и моральные, все взлёты и падения, все чаянья и стремления... И такие документальные книги в лучшем смысле этого слова со временем превращаются из искренней исповеди в духовное завещание потомкам.

Именно такую замечательную книгу и создала Наталья Мицкевич, умудрённая жизненным опытом белорусская женщина, одна из миллионов. Но это необыкновенная судьба необыкновенного человека. Наталья Ивановна – дочь известного в Беларуси детского писателя Янки Мавра и невестка Якуба Коласа – народного поэта Беларуси. Проходя свой жизненный путь рядом с такими блестящими творцами, она волей-неволей стала летописцем и их творческой жизни, поведав множество интереснейших, мало известных и совсем не известных фактов из их насыщенных писательских биографий.

Мне особенно хочется подчеркнуть, с какой душевной теплотой она рассказывает о нелёгких днях испытаний, когда в героическое военное время судьба забросила её, белорусскую девушку, с родителями в далекий Казахстан – это ещё раз доказывает современникам, какой прочной была наша истинная народная дружба в те огненные годы. И сегодня она остаётся надёжным фундаментом нашего политического, экономического и культурного сотрудничества.

В своей книге «Долгая дорога от дома Янки Мавра к дому Якуба Коласа» Наталья Ивановна Мицкевич три главы – «Эвакуация», «В Алма-Ате», «Это тоже не забывается» – посвятила Казахстану. Вернувшись в освобождённую Беларусь, выпускница Московского авиационного института, в который она поступила, находясь в Алма-Ате, куда в годы войны был эвакуирован этот вуз, стала уважаемым на родине человеком – преподавателем Белорусского политехнического института, поставила на крыло целую плеяду нужных всей нашей бывшей огромной стране специалистов. До последних дней жизни своего отца и своего свёкра она находилась рядом с ними и оставила воспоминания не только своим детям, внукам и правнукам, но и всей Беларуси. И я искренне верю, что главы из её книги, посвящённые вашей стране, дорогие читатели, будут интересны и вам – как благодарная память человека, которому ваш народ помог окрепнуть духом в самые трудные годы и достойно свершить много хороших дел в этой жизни.

Микола МЕТЛИЦКИЙ,

*лауреат Государственной премии Республики Беларусь,
Международной литературной премии «Алаш»,
заслуженный деятель культуры Республики Беларусь*

ЭВАКУАЦИЯ

После присоединения Западной Беларуси появилась возможность приобрести хороший по тому времени радиоприемник Виленского завода. И по вечерам, когда брат Федор был свободен, он приходил к нам и вместе с отцом они слушали новости из Англии. Федор хорошо знал английский. Помню, как они с отцом обсуждали услышанное. Отец удивлялся: неужели только англичанам известно что скоро будет нападение Германии на Советский Союз, а наше правительство в неведении?

Незадолго до начала войны первым белорусским театром была принята к постановке пьеса Янки Мавра и начислен за нее большой гонорар. Название этой пьесы, как стало известно из архивных материалов, приведенных в ценной, познавательной книге Людмилы Рублевской и Виталия Скалабана «Время и бремя архивов и времен», – «Болтун». Эта комедия, как и многие другие произведения белорусских писателей, попала под острую критику заведующей сектором печати ЦК КП(б) Б. Л. Сцерын, не была опубликована, и текст её безвозвратно утрачен. Пропал и гонорар, потому что, когда отец пришел 21 июня в кассу, там были только мелкие купюры, и ему посоветовали прийти на следующий день. А назавтра началась война, и все банки и кассы были закрыты, мы остались без денег.

На третий день войны началась бомбежка Минска. Всюду полыхали пожары, их никто не тушил, да и невозможно было потушить, деревянные дома горели кварталами. Море огня и дыма. На следующий день бомбардировки продолжались, хотя и не так интенсивно. Немецкие самолеты летали низко, полностью завладев небом. Изредка постреливали зенитки. Утром стало известно, что наши власти покинули город. Каждый должен был позаботиться о себе сам. И отец решил бежать. Мы быстро собрались. Отец взял портфель с документами, мама – небольшую кошелку, положила туда кусок сала и сахар, который заготовила для варенья. Больше у нас ничего не было. Хлебные магазины уже не работали. Я надела на себя пару юбок, а в рюкзак положила четыре отреза материала, что отец привез из Западной Беларуси. Мне очень жалко было их оставлять. Отец посоветовал нам взять пальто. Так, не отягощенные вещами, мы отправились в дорогу. Проводил нас Федя. Он не пошел с нами. Как законопослушный гражданин он должен был 26 июня явиться в военкомат. При расставании отец дал ему адрес моей знакомой из Свердловска, через которую мы могли потом связаться.

Сначала мы думали задержаться где-нибудь в деревне, переждать, пока наши войска отбросят немцев за границу. Но немцы быстро продвигались вглубь нашей страны. И мы вместе с другими людьми, которые убегали из пылающего Минска, пошли на восток вдоль железной дороги. Возле станции Озерище мы увидели товарняк, из которого выгружались военные, известившие нас, что в скором времени он будет возвращаться в Москву. И всем беженцам позволили забраться в вагоны. Но поезд простоял всю ночь, когда можно было безопасно ехать: ночью немцы не бомбили. На рассвете товарняк тронулся, при каждом налете почему-то останавливаясь. Доехали до станции Смолевичи. И снова бомбежка, последние вагоны загорелись. Одна бомба упала напротив нашего вагона. Она попала в домик железнодорожника, он загорелся. Оттуда в наш вагон принесли раненых: девочку с перебитыми ногами – она была без памяти, и бабу, у которой была оторвана ступня. Она страшно кричала. Мать девочки была убита.

Беженцы вынуждены были покинуть вагоны и пешком двигаться дальше. Идти с вещами было тяжело, люди по дороге освобождались от своих нош, оставляя себе самое ценное. Мы не отважились оставить раненых, но и помочь им ничем не могли. Наконец появился представитель местной власти и посоветовал нам идти, сказав, что заботу о раненых они возьмут на себя. И мы двинулись дальше. Отец спешил добраться до Борисова, чтоб перейти через Березину по мосту, пока он не взорван, потому что ни отец, ни мама не смогли бы переплыть такую широкую реку. И мы, выбиваясь из сил, шли дальше и дальше. Неожиданно из леса выехал военный автомобиль. В его кузове находился какой-то груз, закрытый брезентом. Недалеко от нас машина остановилась, отец поспешил к ней, показал военным свои документы, рассказал, что он писатель, вместе с женой и дочкой убегает из горящего Минска. И попросил, чтобы они перевезли нас через Березину. Видимо, неожиданное ужасное положение, в котором оказался наш народ, отозвалось и в сердцах военнослужащих, и они согласились взять нас с собой. И мы не только без проблем минули Борисовский мост, но и доехали до станции Крупки. А там местные власти формировали эшелон из беженцев для отправки в тыл. Всех переписали, устроили в товарные вагоны и повезли в Оршу.

Многие детали тех обстоятельств, в каких мы оказались, стерлись из памяти, однако сохранились отцовские записи, которые он вел в то страшное время. Из них наиболее ценными, наверное, являются впечатления о психологическом состоянии беженцев.

«26 июня. Двинулись на рассвете, и тут же началась бомбардировка и пулеметный обстрел. При каждом налете поезд останавливается, а так как налеты беспрерывные, то за весь день мы проехали 30-40 км. Нервы!

Два красноармейца. Один снял шапку и вытер пот. Страшный крик какого-то дядьки: «Ты кому это кепкой махал? Держите его!». Человек 20 сразу поверили. Схватили его. Потребовали документы. «Немецкий документ!!» – заголосоил бледнолицый парень. Сдали «шпионов», а через некоторое время схватили еще и девушку. Та плакать: «Мама!». Ее тянут. Мать кинулась спасать. «Призвали» к ответу.

А самолеты регулярно, методично прилетают с одной и той же стороны, пролетают над поездом и летят к Борисову, потом возвращаются и обстреливают нас из пулеметов. Некоторые скидывают бомбы тут же – на убогую хатку (два случая), на шоссе за несколько десятков метров от нас. И два раза на нас... поезд останавливается, и пассажиры мечутся в ужасной панике. Страшнее всего, когда и красноармейцы начинают паниковать, тогда «штатские» совсем шалеют. И наоборот: пример спокойствия так же эффективен. В этом мне доводилось убедиться на себе. И я, и дочь достаточно быстро привыкли к обстрелу, научились учитывать степень безопасности, освоились со своим положением, – и были спокойны. И тогда ко мне стал тянуться весь вагон: спрашивать, что им делать? Куда ехать? Куда мы сами едем? Скоро ли приедем? Почему стоим? Скоро ли поезд тронется? Что с нами будет дальше? Победим ли мы немцев? Будет ли самолет нас бомбить? Попадет ли в нас? И т. д. до бесконечности. Я сидел спокойно в своем углу и ни во что не вмешивался, но на меня глядели как на обладателя секрета спасения. Если бы я сказал: вылезти из вагона и пойти в лес, в болота – все беспрекословно бы пошли за мною. Им всем хотелось, чтоб я взял на себя эту власть, они намекали на это. И только потому, что я был спокоен.

Вот человек выскочил из вагона на распаханное поле и пополз по нему, оставляя за собой след. Почему он ползет? Куда? Зачем? Самолет пролетает в стороне. Теперь я убеждаюсь, что смелость – это здравый смысл. Дочка моя (16 лет) очень

и очень боится, однако в глазах попутчиков она смелая, потому что не мечется в страхе и ориентируется в обстановке».

Наш эшелон дополз до станции Орша после ее бомбардировки. Перед нами предстала ужасная картина: кругом пожары, на перекладинах – повешенные люди, трупы обгорелых лошадей со вздутыми животами... Из Орши наш эшелон направили на север. Пока мы ехали по родной Беларуси, на каждой станции нас встречали местные жители и предлагали нам, голодным, что могли: вареную картошку, хлеб, творог, яйца. А на одной остановке пожилая женщина дала мне, девочке, целого запеченного гуся. Когда же мы выехали за пределы Беларуси и ехали все дальше на север, нас уже никто на станциях не встречал, и чем мы подкреплялись, я не помню.

Последний раз мы попали под обстрел на станции Великие Луки, куда эшелон прибыл после бомбардировки. Поезд остановился, и мы с отцом вышли из вагона. Неожиданно откуда-то вынырнул немецкий самолет и выпустил по нам очередь из пулемета: пули пробили стенку вагона чуть выше наших голов...

Из Великих Лук нас повезли дальше на север. Ночью мы проснулись от того, что больше не слышим стука колес, не чувствуем покачивания вагона. Эшелон стоял. Утром, как стало светать, отец вышел из вагона разведать, что случилось, почему так долго стоим. В скором времени он вернулся и сказал, что паровоза нет, нет никого и из начальства, и что мы дошли до «Ручки» – так назывался полустанок.

Когда совсем рассвело, появился начальник эшелона и известил, что дальше он не пойдет, отсюда нас будут развозить по деревням Ивановской области на жительство. Нас привезли в маленькую деревушку, которая привела нас в полное уныние. Большой нищеты наши родители не видели даже в голодные 20-е годы. Деревенька была небольшой, название ее не запомнилось, всего десятка два почернелых от времени подслеповатых домишек, вросших в землю. Во всем селеении не было ни одного плодового дерева или кустарника. Их крестьяне вырубали, чтобы не платить подоходный налог, каким советская власть обложила каждое плодородное дерево. Да и вывозить урожай не было возможности. Большинство домов стояло без какой-либо ограды.

Нас поселили в избушке одинокой старушки, у которой из живности была только курица, жившая под крыльцом и приносившая через день одно яйцо. И эти яички наша хозяйка отдавала мне. В хатенке с земляным полом и маленькими оконцами было темно и сыро. И почти никакой мебели. Сама старушка спала на узеньком топчане, а нас отправила спать на печку-лежанку.

Всех работоспособных эвакуированных определили на работу в колхоз. Отца, как самого пожилого и образованного человека, назначили в правление колхоза. За его работу платили продуктами, которыми он делился с хозяйкой. Я с горьким недоумением сравнивала эту заброшенную российскую деревню с нашими белорусскими. Где-то с 1930 года наша семья каждое лето отдыхала в деревне. Отец был любознательным и дружелюбным человеком, его частенько звали в гости, ходила с ним и я. В моей памяти сохранились воспоминания о чистых, светлых комнатах с занавесками на окнах, с красивыми домоткаными покрывалами на постелях, с горкою подушек, с ткаными дорожками на полу... Перед каждой хатой за оградой был цветник, лавка для отдыха. А в этой деревне ничего такого не было. У нас каждый хозяин имел корову, выкармливал одного, а то и двух кабанчиков. Умели готовить вкусные колбаски, сальтисоны, вяленую ветчину. Тут более за-

житочные селяне если и растили кабанчика, то ничего из мяса впрок не готовили: просто рубили сало с мясом и солили в бочке. А перед праздниками вымачивали солонину и отваривали.

Мы прожили в этом убогом пристанище два месяца. Когда фронт стал продвигаться дальше на восток, отец решил переехать в более безопасное место. А жители приютившей нас деревни не боялись прихода немцев. Некоторые из них откровенно говорили, что хуже жить, чем они теперь, невозможно. Они надеялись, что немцы избавят их от работы в колхозе, за которую они почти ничего не получали.

Моя подруга Ада Зайцева, с которой я познакомилась в Москве на школьных соревнованиях, предлагала нам приехать к ним в Свердловск. Туда мы и направились. Она жила со своей матерью и младшей сестрой в двухкомнатной квартире в центре города. Родители Ады в молодости были революционерами, за что были осуждены царскими властями и сосланы в Сибирь. Там они и поженились. Отец Ады был намного старше жены и давно умер, пожилой женщиной была и мать, семья жила на ее пенсию.

Встретили нас чрезвычайно сердечно, отдали одну комнату, а больше ничем помочь не могли, сами жили очень скромно. Получить прописку даже при наличии жилой площади не удалось, поскольку городские власти готовились к переезду правительства из Москвы. А без прописки невозможно устроиться на работу, да и зимней одежды у нас не было, а про сибирские морозы хорошо известно. И отец решил ехать дальше на восток, в более теплые края. Он выбрал Алма-Ату, куда немцы при всем своем желании никогда не дойдут. И мы снова двинулись в путь.

В Свердловске отец получил письмо от Федора, который писал, что придя в назначенный час в военкомат, никого там не застал: военкомат был закрыт. И рано утром 27 июня Федор покинул Минск, а в это время немцы сбросили над городом свой десант. Десантники были одеты в гражданскую одежду и имели необходимые документы советского образца. Специальный отряд военных вылавливал диверсантов. Но как их отличить от беженцев? И Федора приняли за десантника-шпиона, тем более что фотокарточка на его паспорте была приклеена не лучшим образом, а сам в очках, с портфелем. А кого видели в Минске с портфелями? Федор никак не мог доказать, что он минчанин. И его повели на расстрел. К счастью, по дороге его узнал один из военных, преподаватель химии Афанасий Андреевич Охрем – в будущем академик Белорусской академии наук. Ему наш Федя обязан своим спасением – его отпустили. А сколько других людей, которые убегали в панике без документов, было расстреляно? Никто не узнает – пропал без вести и всё.

Федя пешком дошел до Березины, моста уже не было – его взорвали. Брат умел хорошо плавать и без труда преодолел реку, и вовремя... немецкие танки, провавшиеся в Борисов, начали обстрел другого берега. Он видел, как от одного из снарядов погибла целая семья, которая остановилась на берегу.

В ближайшем населенном пункте Федор обратился в военкомат, ожидая отправки на фронт, но его освободили от призыва по причине порока сердца и плохого зрения. И направили на работу в город Киселевск, в Кемеровскую область. Там он устроился преподавателем физики в школе и мог немного помогать отцу.

В АЛМА-АТЕ

После долгой и тяжелой дороги в конце сентября мы добрались до Алма-Аты.

Город поразил своей красотой – с юга его обступили горы, улицы обсажены деревьями, вдоль тротуаров – арки, наполненные чистой водой. Кругом изобилие цветов. В городе работают кафе, театры, в парках много молодежи. Впечатление такое, что сюда не докатилось эхо войны, жизнь шла, как и раньше, размеренно, спокойно, не чувствовалось, что в стране бушует страшная война, горят города, деревни, гибнут ни в чем не повинные люди. И, казалось, с полным равнодушием относились к беженцам городские власти. Найти жилье, получить прописку было невероятно трудно. В Алма-Ату были уже эвакуированы многие предприятия и учреждения вместе с их работниками и семьями. Эти эвакуированные имели возможность привезти с собой необходимое имущество – одежду, белье, посуду. Они продолжали работать на своих предприятиях, получали зарплату. У нас ничего этого не было. Отец переживал, что мы потеряли много времени на поездку в Свердловск. Если бы мы приехали сюда раньше, то легче было бы решить вопросы жилья и работы.

В конце концов, отец нашел на окраине города в частном секторе комнату в новом, еще недостроенном доме. Его хозяина призвали в армию, остались жена и двенадцатилетний сын. Кроме пустой комнаты хозяйка ничего не могла предложить. Не было электричества, не было газовой лампы, так что спать ложились с наступлением темноты. Спали на полу, укрывались своими пальто. Прописаться и здесь отец смог с великим трудом. Получив прописку, можно было заниматься моим устройством в школу, а отца – на работу. Но найти ее так и не удалось, а денег уже не было, мы голодали.

Тяжелее всех голод переносил отец. Он «полегчал» килограммов на 15, ноги плохо слушались его, голова кружилась и, конечно, переживания за голодную жену и дочь не давали покоя. Федор, начавший работать в одной из школ Киселевска учителем физики, писал отцу, что поддержит нас деньгами, будет высылать их каждый месяц, но только один раз пришла помощь – 90 рублей. Многих из десятиклассников его школы призвали в армию, эти классы расформировали, нагрузка снизилась более чем наполовину, и сам он еле сводил концы с концами. Обещала помогать мамина племянница, и один раз прислала нам 500 рублей. Это позволило какое-то время продержаться, но ее муж, офицер НКУС, пропал без вести со всем своим отрядом при отступлении из Киева. И семью лишили аттестата на получение его зарплаты. Теперь и она с дочкой оказалась среди бедствующих, но все же ей удалось устроиться телефонисткой в воинскую часть.

В результате частенько завтрак наш складывался из куска черного хлеба и стакана горячей воды. На обед изредка к куску хлеба добавлялся арбуз – если у отца находился лишний рубль. А на рынке было полно овощей и фруктов. За один рубль можно было купить большой спелый арбуз. Хватало на базаре муки, риса, мяса, однако нам все это было не по карману. Отца в его 58 лет нигде на работу не брали. Ничем ему не помог и местный Союз писателей. Иной раз отец приносил нам банку манной каши, которую за копейки можно было купить в буфете. Конечно, она была не такая, как когда-то варила мама – на молоке и с сахаром, и я еще не хотела её есть. Эта была сварена на подсоленной водичке и имела синеватый цвет. Мама часто отказывалась от своей порции в мою пользу, говорила, что ей не хочется есть, а моему молодому организму нужна поддержка.

Наконец отец направился со мной в ближайшую школу № 33. Она находилась на улице Гоголя недалеко от входа в городской парк. Занятия, как везде, начинались с 1 сентября, а теперь уже было начало октября. Официального подтверж-

дения об окончании мною девятого класса у нас не было, был только листок из дневника с оценками, но без подписи учителя и печати. И все же директор школы распорядился принять меня в десятый класс с условием, что я до конца первой четверти смогу догнать учеников и буду положительно аттестована. Если же нет – то меня переведут в девятый класс. Директор вызвал классного руководителя и поручил ей отвести меня в 10 «А» класс. Так я стала десятиклассницей, при том одной из лучших. За что я безмерно благодарна учителям 4-й школы города Минска, а также своему отцу. Это они заложили прочный фундамент знаний, опираясь на которые мне было легко учиться дальше.

Однако хороших взаимоотношений с одноклассниками не сложилось. Живя в городе, далеко от военных действий, от бомбардировок, они не понимали бедственного положения беженцев, которые оказались в чужом городе, лишившись всего нажитого: вещей, денег, работы. Мои одноклассники даже не поинтересовались, не узнали, что мы пережили, в каком переплете побывали. Они жили, как и раньше, в хорошо устроенных квартирах, обеспеченные всем необходимым. Они не чувствовали недостатка в учебниках и тетрадях, были неплохо одеты и накормлены. И никто из них за весь учебный год не пригласил к себе домой, не угостил обедом, не предложил хоть что-нибудь из одежды. У меня же учебников не было, не было в комнате и света, и все домашние задания я выполняла в библиотеке-читальне парка им. Горького, через который каждый день ходила в школу. На тетради и ручки денег не хватало. Частенько домашние задания приходилось выполнять на листочках от тетрадей, которые мне давал сын хозяйки нашего дома.

Не понимали моего бедственного положения и преподаватели. Так, однажды никто из учеников нашего класса не смог решить задачи по тригонометрии. Только я одна выполнила задание, но так как оно было сделано на листочке и написано карандашом, учительница вклеила мне пару, а остальным ученикам невыполнение задания сошло с рук. Она даже не спросила, почему я домашнее задание выполнила не в тетради. Ей, наверное, и в голову не приходило, что у моих родителей нет денег не только на тетради, но и на еду. Но самое главное было в том, что из-за этой двойки, несмотря на остальные пятерки, она мне выставила и в четверти четыре, а потом и годовая оценка была снижена до четверки. А это лишило меня аттестата с отличием и права поступления без экзаменов в любой институт. Было очень обидно, смириться с этим я не могла и пошла к учительнице с просьбой – назначить мне экзамен по тригонометрии. По программе его не было. Видно, учительница осознавала свою ошибку и вывела мне годовую пятерку без всякого экзамена.

В те годы за учебу в старших классах надо было внести 200 рублей, иначе – отчисление из школы. А где взять деньги? Отец вел переписку со многими писателями, интересовался их делами: что с их родными, близкими. Переписывался он и со своим давним другом Якубом Коласом, который находился с семьей в Ташкенте. И, конечно, делился с ним своим бедственным положением и тем, что дочь, десятиклассницу, грозятся отчислить из школы за неуплату за учебу. Колас прислал 150 рублей, выкроив их из своего семейного бюджета. Но их не хватало. И отец пошел в Союз писателей Казахстана за помощью. Ему предложили написать рецензию на чье-то произведение, а такая работа для пожилого писателя – что божий дар. И он получил за нее 200 рублей! Я была спасена.

Учеба в школе продолжалась. Хотя, чтобы добраться до школы, особенно в осенне-зимний период, надо было преодолеть невероятно трудный путь. Трогуаров не было, освещения дорог тоже, а ноги тонули в глинистой почве, и вытащить

их без риска оставить обувь было невозможно. Приходилось привязывать туфли веревками к ногам, на них напластовывалась глина многими килограммами. И мои единственные туфли развалились! Купить новые было не на что. В то время многие дефицитные товары распределялись по предприятиям и учреждениям. Когда в Союзе писателей распределяли обувь, отцу удалось «выцарапать» для меня последнюю пару женских туфель. Однако моя радость от этой удачи была недолгой. Туфли оказались разного фасона, еще и на одну ногу.

Зима 1941–1942 года в Алма-Ате выдалась чрезвычайно суровой. Старожилы не помнили, чтобы здесь были морозы до 20 градусов. А у нас не было зимней одежды. Вот так жили мы в Алма-Ате: раздетые и голодные, и никому не было до нас дела. Переживая за свое бедственное положение, отец не переставал беспокоиться о судьбе своих товарищей-писателей. Успели ли они покинуть горящий Минск или остались в оккупированной зоне? Кто где устроился, где их семьи? Стало известно, что наши соседи по дому – Михась Лыньков, Илья Гурский, а также Петрусь Бровка и Петро Глебка работают в редакциях фронтовых газет. Жена Бровки Алена Михайловна со своим маленьким сыном Юркой оказалась в Алма-Ате и несколько раз навещала нас.

Жёны Лынькова и Гурского со своими малыши детьми покинули дом раньше нас, однако где они – неизвестно. Возможно, женщины решили переждать это лихолетье где-нибудь в деревне и оказались на оккупированной территории. Для жены Лынькова это было равносильно самоубийству: евреев немцы безжалостно уничтожали. Ничего не было слышно и про жену Глебки. Наш сосед Аксельрод со своей хромой дочерью успел убежать от немцев. Беспокоила отца и судьба Ильинского, который вернулся назад в Минск и успел сказать Федору, что лучше умереть в своей постели, чем в придорожной канаве. Огорчила отца весть о смерти Дмитрока Бядули где-то на железнодорожной станции под Уральском. В письме к Якубу Коласу отец писал, что и сам он от голода и безысходности просто может упасть на улице и умереть.

По-разному сложилась жизнь жён отцовских друзей и соратников. Петрусь Бровка нашел адрес жены и высылал ей достаточно денег, чтобы они с сыном не голодали. Ужасные годы пережила в оккупированной Беларуси жена Гурского. После войны ее сын Лёня успешно окончил школу, поступил в политехнический институт, был моим студентом. Помню, как он внимательно слушал мои лекции, сидя за первым столом, хорошо разбирался в курсе теории механизмов и машин и отлично сдал экзамен. Потом он был принят в Физико-технический институт Академии наук, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации.

Судьба же жены Лынькова и его сына Марка сложилась трагически. Какой-то гад выдал женщину немцам. Когда её забирали, мальчик, белоголовый, как и его отец, бросился за своей матерью. И её, и его отправили в Тростенец, в лагерь смерти. Михась Лыньков страшно переживал за сына и жену, был близок к помешательству. А в скором времени после окончания войны его включили в состав комиссии по расследованию злодеяний немцев, в том числе в Тростенце. Когда это стало известно Коласу, он страшно расстроился и сразу же сделал все возможное, чтобы Лынькова освободили от работы в составе этой комиссии. Он посчитал издевательством над человеком заставлять его смотреть на останки людей, среди которых находятся останки его сына и жены. К Коласу прислушались. О трагедии Лыньковой и ее сына отец написал повесть «За что?», в которой имена и фамилии изменены. А Михасю Лынькову посчастливилось встретить женщину, которая полюбила его, стала другом и женою. Они часто навещали Якуба Коласа.

Нелегкая судьба ждала жену Глебки – Нину Белькевич. Она осталась в Минске, устроилась на работу в какую-то управу, за что досталось ей немало неприятностей, но она спасла от смерти семилетнюю девочку. Мать ее, как еврейку, немцы расстреляли. После освобождения Минска Нина соединилась с Глебкой и настояла, чтобы он удочерил девочку. Своих детей у них не было, да и с мужем своим она не была зарегистрирована, хотя складывалась у них счастливая семейная жизнь. Спустя какое-то время после войны отец их приемной дочери разыскал ее и приехал забрать к себе. Однако она отказалась, сказав, что полюбила своих приемных родителей и останется с ними. Но как изменилась ситуация со смертью Глебки! Приемная дочь стала его единственной наследницей. С великим трудом Нина смогла через суд доказать, что на протяжении десятилетий она была женой Глебки. Незадолго до ее смерти мы случайно встретились на улице, и она рассказала мне о несчастной жизни со своей воспитанницей, об издевательствах и неуважении с ее стороны. А Нина ведь спасла ее от смерти, создала хорошие условия для жизни, уговорила мужа удочерить ее, и вот такую получила благодарность! Мне была хорошо понятна ее обида, ведь и я испытала неприязнь от своих близких – сводных сестры Шуры и брата Арсения.

Шуру война застала в Ленинграде, где она училась уже на пятом курсе института. Она пережила ужасные дни блокады, а когда наладили «Дорогу жизни», её вместе с другими блокадниками вывезли из Ленинграда. И она приехала к нам в Алма-Ату. Даже и месяц спустя, как она спаслась из блокады, мне было страшно оставаться с ней наедине, так она ужасно выглядела. Это был скелет, обтянутый кожей. Постепенно она поправлялась и становилась похожей на человека. Как блокаднице, сестре дали возможность устроиться на работу, получать зарплату, хоть и небольшую, но это облегчило нашу жизнь. Из Ленинграда она смогла забрать с собой какую-никакую одежду, но со мной она ничем не поделилась. А я ей отдала два отреза, что вынесла из Минска, потому что считала, что это и для нее их приобрел отец. Моя же одежда совсем обносилась.

На учебу теперь надо было ходить дальше – нашу школу преобразовали в госпиталь для раненых, которых все больше и больше прибывало с фронта. В новой школе занятия десятых классов проводились в третью смену, уроки заканчивались в десять вечера, когда уже кругом была полная темень. Домой приходилось идти через парк. Ходили слухи, что там милиционеры нашли повешенного юношу, а потом задушенную и изнасилованную девушку. Страшно было ходить через темный и пустынный парк, но что делать?

Однажды, когда мне до выхода из парка оставалось пройти только по дамбе, я увидела, как с яру на дамбу наперерез мне вылезает силуэт какого-то человека. Но я не растерялась, увидев, что успею пробежать через дамбу, пока тот поднимается на ее верх. И я побежала изо всех сил к выходу из парка. Мужчина выбрался наверх и кинулся вслед. Он кричал: «Девушка, остановись, я все равно догоню, и тебе будет хуже!» Но я убежала так, что только ветер свистел в ушах, а когда прибежала домой, свалилась на пол без сил. После этого отец с Шурой ожидали меня у библиотеки-читальни, и через парк мы возвращались втроем.

Наконец-то у меня появилась подруга из параллельного класса, Роза Либерман. Ее отец работал бухгалтером на одном из московских предприятий, эвакуированных в Алма-Ату. Дом, в котором они квартировали, находился возле самого входа в парк. И иной раз, когда приходилось допоздна задерживаться, предупредив отца, я ночевала у нее. Спали мы с ней на одной кровати, где нас нещадно заедали клопы. Иногда мы с ней ходили за обедами, на которые ее отцу давали талоны. Чтоб получить этот обед (жиденький суп на первое и несколько ложек

каши с подливой на второе), надо было два-три часа стоять в очереди. Когда мы вместе с Розой приносили обед, ее мама делила его не на три, а на четыре части и кормила этим обедом меня. Либерманы были простыми, сердечными людьми, они понимали мое положение, знали, что мой отец безработный.

Наша дружба закончилась печально. Может быть, на Розу подействовал мой рассказ о происшедшем в парке. Она стала беспокойной, заговаривалась, твердя, что ей кто-то угрожает, преследует. Я поделилась своей обеспокоенностью о состоянии Розы с её матерью. Выяснилось, что Роза начала сходить с ума. Её отвезли лечиться в Москву, но адреса мне не дали. Поправилась ли она, или нет, я так никогда и не узнала.

Получив аттестат с отличием об окончании школы, я стала советоваться с отцом, куда пойти учиться. Больше других дисциплин меня привлекала математика. Однако поступать в Казахский государственный университет отец не советовал, мотивируя тем, что пять лет учебы и три года отработки где-нибудь в горном ауле – это восемь лет жизни одной, вдали от семьи, за тысячи километров от родной Беларуси. Лучше поступить в Московский авиационный институт, который находится здесь, в Алма-Ате, со своим известным профессорско-преподавательским составом. По окончании войны институт вернется в Москву, а с ним и я. А от Москвы до Минска совсем недалеко. Мы все верили в победу нашей армии над фашистами. Мы верили, что Беларусь будет освобождена от немецкой оккупации и мы вернемся в свой родной Минск.

И я решила поступать в МАИ. Мне хотелось прийти в приемную комиссию хорошо одетой и красивой. Я надела свое единственное красивое платье, пошитое к выпускному вечеру из того отреза, что привезла из Минска, накрутила на бумажки влажные волосы и высушила их на солнце. Получилась пышная прическа. Ресницы накрасила самодельной тушью из сажи и мыла. И с необходимыми документами отправилась в приемную комиссию МАИ. Председателем её в то время был преподаватель института Михаил Дмитриевич Миллионщиков. Позже он стал ведущим ученым в области механики и прикладной физики, академиком, вице-президентом АН СССР, Героем Социалистического Труда.

Когда я появилась на пороге приемной комиссии, её председатель, видимо, шокированный моим видом, деликатно сказал, что я, наверное, ошиблась, здесь приемная комиссия не театрального института и даже не медицинского, а Московского авиационного. В этом институте тяжело учиться, нужно хорошо знать математику, физику, химию. И очень трудно поступить из-за высокого конкурса. А я с улыбкой ответила, что конкурса не боюсь, поскольку у меня аттестат с отличием, притом у единственной из всех выпускников двух десятых классов 33-й школы. И помахала своим аттестатом. Моими любимыми дисциплинами являются математика и физика, и трудности мне не страшны. И добавила, что мама говорит, видимо, я пошла в своего деда, талантливого механика. Лицо Миллионщикова расплылось в улыбке, и он сказал: «Ну что ж, подавайте ваши документы, будущий талантливый механик». И я почувствовала, что завоевала симпатию председателя комиссии.

Зачислили меня на факультет авиационного приборостроения. Занятия откладывались в связи необходимостью уборки урожая. Всех зачисленных на первый курс сразу же направили на сельскохозяйственные работы в Саркандский район, и наша группа поездом доехала до маленькой станции Мулалы, которая находилась в полдороги от Новосибирска. На станции было несколько домиков, а кругом – песок и только песок. Ветер сыпал его в глаза, в нос, уши, он скрипел на зубах. Было очень неприятно. В скором времени прибыли грузовики, и нас повезли

в Сарканд, километров за 40 от станции. А там распределили по колхозам, и мы еще километров 40 пешком добирались два дня до нашего колхоза. Хорошо, что хотя бы вещи везли на подводе, запряженной волами, которые уныло тянулись по дороге. Когда же они почуяли поблизости речку, то бегом рванули к ней, и один рюкзак с воза попал под колеса. Я не сомневалась, что это именно мой рюкзак. Так оно и оказалось. Больше всего досталось мисочке, она была словно колом выгнута, так что пришлось обходиться деформированной посудой.

Разместили нас под навесом, спали девушки и парни на соломе, брошенной на землю. А вокруг навеса простиралось широченное поле пшеницы, которую предстояло убрать. В нашу обязанность входило вязать снопы вслед за косилкой, а потом складывать их в копны. Один раз в день нам привозили из колхоза еду – домашнюю лапшу и большие ломти белого хлеба.

Ближайшее селенье находилось километрах в двух от нас. Там можно было купить молочные продукты, яйца, овощи и фрукты, либо выменять их на одежду. У меня не было ни денег, ни одежды. Моя единственная юбка была в дырках, и одна из студенток дала мне поносить свою. Правда, в скором времени её пришлось вернуть. Люся, так звали девушку, обменяла ее на продукты. Мы подружились, как говорится, на всю жизнь. Позже, когда мы переехали в Москву, познакомилась я с её родителями – врачами. Оказалось, что мама Люси Левитан – двоюродная сестра профессора Карпилова, который жил и работал в Минске. Левитаны отнеслись ко мне чрезвычайно сердечно, часто приглашали на обед, оставляли переночевать, когда нас перевели из пятого корпуса института в интернат, что на станции Долгопрудной. Туда и назад добираться было тяжело – поезда ходили редко. Один рейс закончился трагически. Парни висели на подножках переполненных вагонов, а у встречного товарняка свалилась доска и сбила шестерых ребят. Но всё это было позже.

Неожиданно задул холодный ветер, спрятаться от которого было негде, и у меня разболелись уши и распухли шейные железы. Другая девушка вывихнула ногу и не могла ходить. Потом тяжело заболел юноша, у него поднялась высокая температура, потребовалось срочно отвезти его в больницу. Из колхоза прислали подводу, и мы втроем отправились в Сарканд. Парня положили в больницу, а нас после осмотра отправили в Алма-Ату. На станцию Мулалы можно было доехать только грузовой машиной. Грузы туда возили, но «пассажиру» место было в кабине одно. Поскольку моя попутчица Марина едва ходила, пришлось мне идти к начальнику автобазы. Им оказался молодой симпатичный казах. Он приветливо принял меня, расспросил, что случилось со мной и моей попутчицей, почему нас одних отправляют в Алма-Ату. Выслушав объяснение, он ответил, что сейчас помочь не может, потому что получил приказ отвезти на станцию призывников. Нам придется подождать, а пока посоветовал поселиться в пристройке при его конторе, где хранилась старая мебель. Он сказал, чтобы Марина сидела там тихо и не высывалась, пока тут находится столько молодых парней-призывников, а мне, как ходячей, надо каждый день с утра являться в контору, находясь при ней в границах безопасности.

Когда у начальника автобазы было свободное время, он приглашал меня на беседу – на самые разные темы. Однажды он мне сказал: «А зачем тебе отсюда уезжать? Выходи за меня замуж, будешь моей второй любимой женой. Я обеспечу тебя всем необходимым, ты ни в чем не будешь нуждаться». Мне стало не по себе, я испугалась и смогла лишь сказать, что не знаю местных обычаев, хочу жить только в Беларуси и быть единственной женой, как это принято у нас, – расплакалась и выбежала из конторы. Или это было шуткой, или всерьез – не знаю. Но

он продолжал относиться ко мне с уважением и больше на эту тему не говорил. Только предложил помочь деньгами, но я сказала, что деньги у меня есть.

Наконец все призывники были отправлены, настала наша очередь. Марина поехала первой, а я попала в последнюю машину этой колонны. Шофером была молодая девушка, видимо, не имеющая надлежащей практики. Перезезжая брод, машина «зачихала» и встала посередине реки. Водитель ничего не могла поделать. Пришлось долго ждать следующей колонны. Мужчины быстро ликвидировали неполадки, и мы с этой колонной доползли до станции поздно вечером, когда уже стемнело. Искать Марину не было смысла, пришлось дожидаться утра. А Марина устроилась в домике для ночлега водителей, которые сами из-за несметного в нем количества клопов отдавали предпочтение домам местных жителей. Поутру я отыскала подружку и присоединилась к ней. А потом отправилась на вокзал, разузнать, когда мы сможем выехать в Алма-Ату.

Начальник вокзала даже не стал со мной разговаривать. Билетов, скорее всего, не было, поезд стоял здесь одну минуту, а ему надо было отправить призывников, группу мужчин и женщин с детьми, которыми наполнялся дворик вокзала. К тому же оказалось, что денег у нас всего на один билет. Хлеб по дорожным карточкам мы выбрали еще в Сарканде, и теперь приходилось голодать. Ночью на вокзале я познакомилась с пожилым мужчиной, который приехал сюда той же колонной, что и я. Мы разговорились, вместе дожидаясь утра. Встретившись днем, мы уже поздоровались, как старые знакомые. Я пожаловалась, что скоро выехать нам не удастся, да и денег осталось всего на один билет. Мой новый знакомый предложил одолжить мне денег на билет. Он был уверен, что по приезду в Алма-Ату я их верну. И дал мне свой адрес и деньги.

Мы с Мариной все время отсиживались в шоферском домике. От голода и боли в ноге она совсем раскисла, и чтоб хоть немного ее развеселить, я спросила, что бы она пожелала, если бы сейчас вдруг перед нами появился добрый волшебник. Рассмеявшись, Марина сказала, что, как и я, она бы попросила его дать нам билеты на поезд, и поесть – буханку белого хлеба, банку молока и большой арбуз. Мечты о такой вкусной еде только разожгли наш аппетит, но это были такие светлые, такие желанные мечты!..

И тут неожиданно открываются двери, и в комнату входит сам начальник автобазы. Он сказал, что приехал проведать нас, узнав от своих водителей, что мы «застряли» на станции. И спросил, не надо ли чем помочь. И мы ответили, что, наверное, его, как доброго волшебника, послал к нам сам бог, чтоб он помог нам достать билеты на поезд и принес немного еды. И тут Марина выпалила одним духом: «Булку белого хлеба, банку молока и большой арбуз!» Наш гость рассмеялся, вышел на несколько минут, что-то сказал по-казахски, а потом вернулся к нам. Вскоре у нас на столе появились хлеб, молоко и арбуз!

Когда мы поели, он повел нас к начальнику вокзала. Как же тот переменялся! Весь внимание и уважение! Видно, он зависел от начальника автобазы. И, конечно, пообещал ему при первой возможности отправить двух его знакомых девчат в Алма-Ату. Я сердечно поблагодарила доброго «волшебника» за его заботы и от себя, и от Марины, и распрощалась с ним навсегда.

Но каждый раз, когда на экране телевизора я вижу Нурсултана Назарбаева, я вспоминаю того доброго казаха, который выручил нас в трудный час. Не так давно в мои руки попала книжка – интервью Назарбаева. С каким интересом прочитала я о нелегкой судьбе этого мудрого человека! Действительно, казахи могут гордиться такими руководителями, как их первый президент и неведомый начальник автобазы, за их человечность.

Чтобы отправить призывников и всех людей, собравшихся на маленькой станции, удалось сформировать дополнительный состав, которым мы и доехали до Алма-Аты. Первым делом я отнесла деньги за билет моему попутчику, а потом отправилась в институт, в деканат, получить новую карточку на хлеб. Декан нашего факультета оказался боязливым и недобрым человеком. Он отказал мне в выдаче карточки, пока я не принесу справку о заболевании. Но разве можно было догадаться, что потребуется такая справка? В больнице никто об этом не предупредил. Я же не могла явиться домой без карточки, не могла допустить, чтобы матери отец отдал мне свой обед. Я сказала декану, что голодная, без карточки из деканата не выйду, и уселась в кресло в углу кабинета. На требование покинуть кабинет я ответила, что без карточки не сделаю этого. Так я просидела часа два или больше. Декан несколько раз выходил и возвращался, а я молча сидела в углу. Это стало действовать ему на нервы, и, разозлившись, он позвал секретаршу и поручил выдать мне карточку на хлеб, чтобы я быстрее убралась из его кабинета. Я поняла, что вместе с карточкой заимела врага. И не ошиблась, но это подтвердилось позже.

В конце лета Шуру направили работать киномехаником в госпиталь для раненых, который находился в 27 километрах от города, в местечке Алма-Арасан. Там ей выделили квартирку, и она забрала к себе родителей. Я осталась в городе одна. Летом мне исполнилось 18 лет, и вот началась самостоятельная жизнь без всякой надежды на помощь родителей.

При зачислении в институт мне назначили стипендию около 130 рублей, из которых 80 я отдавала за комнату, снятую в частном доме. В ней помещались кровать, стул и сундук, который служил столом и шкафом. Ножки кровати стояли в банках из-под консервов, наполненных водою для защиты от клопов. Однако это не спасало. Прожорливые паразиты по стене забирались на потолок и оттуда пикировали на постель. Уснуть было очень тяжело.

От стипендии оставалось рублей 40-50, их хватало на хлеб и трехразовое питание в студенческой столовой. Но ведь хотелось сходить в театр, где выступали лучшие артисты Советского Союза. Так, мне посчастливилось увидеть «Жизель» с Галиной Улановой, послушать «Риголетто» с Алексеем Ивановым и Ириной Маслениковой. Хотя, чтобы купить билеты, приходилось экономить хлеб и продавать его на рынке.

ЭТО ТОЖЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Когда я вспоминаю события прошлого, которые случились со мной в Алма-Ате и Москве, поневоле всплывают в памяти пророчества цыганки, которую я встретила на алма-атинском базаре. Но об этом немного позже. С поступлением в институт я почувствовала себя самостоятельной, тем более что помогать мне уже никто не мог. Но тянуло к родителям, хотелось побыть с ними, услышать слова поддержки, ласки и сочувствия. Дорога же до их дома в Алма-Арасанском урочище была длинной и нелегкой. Чтобы одолеть 27 километров и забраться в горы на высоту около 1600 метров над уровнем моря, надо было потратить немало сил и 5-6 часов времени. Иногда в выходной день я отваживалась на такое путешествие. Было радостно видеть отца, окрепшего духом и физически. Он уже не чувствовал себя ненужным безработным, потому что устроился на работу в школу, хотя и нелегально, но за это имел две тарелки горячего супа и небольшие деньги. Кроме того, он подрабатывал частным репетиторством, за которое платили продуктами. Он повеселел, они уже не голодали, что-то зарабатывала и Шура. Правда, высоко-

горный климат плохо сказывался на его сердце. К этому порой присоединялись nelaды с сестрой, которая считала себя главной в их хозяйстве, старалась подчинить себе родного отца. А мать вообще держала за работницу. И на этой почве возникали скандалы.

Однажды, когда я вернулась с гор на свою квартиру, неожиданно появилась Сара Рубнич, подруга брата Арсения по университету. Она со своими близкими оказалась в городе Фрунзе (сейчас он называется Бишкек). Война разлучила ее с Арсением, который был призван на военную службу еще до войны. И где он на ходился – было неведомо. Но ей и в голову не могло прийти, что Арсений может погибнуть. И она стала писать и писать. И ей повезло: нашла ту воинскую часть, где служил любимый. Получив от него письмо, она хотела поделиться своей радостью с его отцом. Адрес узнала через Союз писателей в Москве и приехала в Алма-Ату. Однако по полученному адресу отец уже не жил, а куда съехал – неизвестно. И она стала искать меня по институтам. В отделе кадров МАИ получила мой адрес и теперь отыскивала меня.

Кое-как переночевали мы на моей кровати, где сверху сыпались на нас клопы, и, хорошо не отдохнув, с утра тронулись в дорогу. Когда до отцовского дома оставалась пара километров, поднялся ураганный ветер. Вокруг потемнело, хлынул проливной дождь. Началась гроза, молнии вспыхивали вкруговую, и тут же слышались мощные раскаты грома. Спрятаться было негде – вокруг голые скалы. И как ни было страшно, мы двинулись дальше в такую непогоду. Когда дошли до поселка, дождь перестал, нам оставалось только подняться по крутой тропинке к дому. Но глинистая почва размякла, сделалась очень скользкой. Преодолев по крутизне несколько метров, мы снова сползли вниз.

Наконец, перемазавшись глиной, на карачках мы заползли наверх. Перед дверьми остановились, глянули друг на друга и покатались со смеху. Вымокшие насквозь, перепачканные с ног до головы, мы походили на чертенят. В таком виде Сара боялась показываться на глаза отцу Арсения. Но что делать? Не дрожать же нам от холода перед дверями. Постучали. Вышла мама и остолбенела, когда обнаружила в подобном виде меня и незнакомую девушку. Она затащила нас в дом, и я познакомила родителей с подружкой Арсения. Мама принялась отмывать нас от грязи, передела в Шурина одежду, а потом отогревала горячим чаем. Отец был несказанно обрадован весточке об Арсении и благодарен подружке своего любимого сына, хотя сначала Сара, действительно, не очень ему приглянулась. Однако позже, когда Арсений и Сара поженились, отец, ближе познакомившись с ней, по достоинству оценил её ум, доброту, тактичность, и особенно её безграничную любовь к своему избраннику.

После окончания войны молодые устроились в Москве, долгое время жили в малюсенькой комнатенке, что в те годы было нормой. Когда родились девочки, Арсений смастерил им откидные кровати, вроде вагонных полок. Он работал в одном из головных научно-исследовательских институтов, защитил кандидатскую диссертацию. Сара преподавала химию в техникуме, она окончила Белорусский государственный университет. Однажды вспоминала, как они с подружкой сдавали экзамен Даниилу Мицкевичу, старшему брату моего Михася. Через своего знакомого они попросили, чтобы Даник одной из них дал задание рассказать все про углерод, а другой – про кремний. А экзаменатор «случайно» перепутал задания и с усмешкой слушал их ответы. Но обе успешно с ними справились. Сара и Арсений прожили долгую жизнь, довольно часто приезжали в Минск. Когда после долгой болезни на 84 году Арсений умер, Сара с горя тронулась умом и в скором времени последовала за мужем.

А в Алма-Арасане следующее утро выдалось солнечное, теплое, и наша одежда быстро высохла. После чашки чая с куском хлеба мы отправились назад в Алма-Ату. Солнце высушило дорогу, и от страшной вчерашней грозы не осталось и следа...

Зимнюю сессию я сдала хорошо, несмотря на то, что не было учебников, не хватало мест в библиотеке, а студенческая жизнь была полуголодной. На время летней сессии родители предложили переехать к ним в горы, а в Алма-Ату ходить только на сдачу экзаменов. Я с радостью согласилась. Когда я готовилась к экзамену по марксизму-ленинизму, в горах выпал глубокий снег. Это было 11 июля. Обуви у меня не было, я, как и многие студенты, ходила на занятия босиком. Пройти по снегу без обуви несколько километров было невозможно. Я пропустила этот экзамен и стала готовиться к следующему – математике. Снег через пару дней растаял, и я успешно добралась до города. Сначала зашла к своей подруге Рите Млынец, которая училась в медицинском институте. И та предложила приготовить плов. Мы пошли на базар, продали сэкономленный мною хлеб и купили на эти деньги немного рису и кусочек мяса. На рынке ко мне подошла цыганка и предложила поворожить. Я сказала, что все деньги потрачены, и мне нечем ей заплатить. Она предложила погадать даром, потому что очень хорошо видит, что меня ожидает сейчас и в будущем.

Она сказала, что меня ожидает большая неприятность в «казенном доме», впереди ждет дальняя дорога, но летом она не состоится. Однако я смогу все преодолеть, и поздней осенью навсегда покину Алма-Ату. Еще она нагадала, что сейчас у меня нет сердечного друга, но через пару лет я встречу хорошего парня, выйду за него замуж и буду очень счастлива. Умру же при родах третьего ребенка. Хотите верить, хотите – нет, но все, что предсказала цыганка, сбылось, кроме моей смерти. Спасли меня доктора, я уже теряла сознание, и в критический момент мне сделали кесарево сечение, без наркоза, чтобы не потерять ребенка. Как тут не подумать про ангела-хранителя? Как не вспомнить былое, когда я была на грани жизни и смерти?

А тогда на базаре я не поверила пророчествам цыганки. Что плохого может случиться со мной в «казенном доме»? Но в скором времени действительно свалились на меня большие неприятности...

После разгрома фашистов под Курском некоторые предприятия со своими сотрудниками начали возвращаться обратно в Москву. И летом 1943 года Московский авиационный институт должен был вместе со всем преподавательским персоналом и студентами, которые сдали зачетную сессию, перебазироваться в Москву. И я с ним тоже. В полной уверенности, что так оно и будет, на другой день я пошла сдавать экзамен по математике. Но когда вошла в вестибюль корпуса, увидела на стене объявление: «Студентка 1-го курса Фёдорова Наталья Ивановна отчислена из института за неявку без уважительных причин на экзамен по основам марксизма-ленинизма (число и подпись декана)».

Я тут же пошла в деканат объяснить декану причину моего отсутствия на экзамене. Я сказала, что живу у родителей в высокогорном поселке Алма-Арасан, там готовлюсь к экзаменам, а 11 июля выпал глубокий снег, и босиком пройти такое большое расстояние невозможно. Он согласился, но сказал, что без объяснительной справки оставить меня в институте не может. Видно, он припомнил историю с моей хлебной карточкой и решил отомстить. И я, раздосадованная, воскликнула: «От кого мне принести справку – от Бога или от чёрта?» Тогда он просто выставил меня за дверь.

К кому же мне обратиться за помощью? И я вспомнила М. Д. Миллионщикова,

председателя приемной комиссии, который, как мне показалось, отнесся ко мне с симпатией. Если бы я не явилась на любой другой экзамен, мне бы просто поставили два и отчислять из института не стали. Но не явиться на экзамен «по основам», да еще в военное время! Возможно, декан хотел и подстраховаться, проявить свою идейную сознательность. М. Д. Миллионщиков всё это хорошо понимал и решил мне помочь. Но мой декан наотрез отказался даже вести разговор на эту тему. Тогда М. Д. Миллионщиков обратился к своему другу – декану факультета вооружения самолетов, чтоб он зачислил меня на второй курс при условии сдачи четырех экзаменов за оставшиеся четыре дня экзаменационной сессии. Я смогла справиться с этими экзаменами, и была зачислена на второй курс факультета, где учились почти одни парни, у которых в крови тяга к оружию.

И я поехала последним институтским эшелонем в Москву. На дорогу отец, договорившись с мастером, сделал мне босоножки на деревянной подошве с ремешками из багажных ремней. А мама, тайком от Шуры распустив ее старую рваную кофту, связала мне носки...

Перевод с белорусского Любви Шашковой.

В феврале 2020 года отмечают:

90-летие

Абильфаиз ЫДЫРЫСОВ, *прозаик*

80-летие

Жумаш СОМЖУРЕКОВ, *литературовед*

70-летие

Сабит БЕКСЕЙИТ, *поэт*

Нурила БЕКТЕМИРОВА, *прозаик*

60-летие

Гульнар ОМИРЗАКОВА, *поэт*

Бакытбек СМАГУЛ, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

